

Русско-украинское двуязычие в аспекте проблем судебной автороведческой экспертизы

Т.Ф.Шумарина

Криминалистическое исследование признаков письменной речи направлено на решение двух типов задач – идентификационных и неидентификационных (классификационных и диагностических). Классификационные экспертизы письма проводятся с целью установления групповой принадлежности автора анонимного текста, в том числе и решения вопроса о родном (украинском / русском) языке автора документа. В данном аспекте исследования проводились на материале родного украинского, белорусского, узбекского, казахского и других языков. Однако вопросы русско-украинского билингвизма в криминалистическом аспекте не получили достаточно широкого освещения в научной литературе. В данной работе эта проблема рассматривается в плане искажения признаков украинской письменной речи и предпринимается попытка выявления приемов имитации украинской и символизации русской письменной речи. С этой целью было проведено экспериментальное исследование, материалом которого явились свободные и экспериментальные образцы украинской письменной речи носителей русско-украинского двуязычия в возрасте 18-25 лет.

Традиционным объектом подобных исследований являются ошибки интерференционного характера. Однако при разработке экспертной версии о наличии в рукописи искажения признаков следует подвергать анализу весь «отрицательный языковой материал» (термин Л.В.Щербы) [7:36], в том числе и кодовое включение [6:69]. В отличие от интерференции, возникающей, как правило, спонтанно, вопреки желанию адресанта, кодовое включение производится сознательно в тех или иных коммуникативных целях [5:251].

Русское кодовое включение в украинский текст может быть следствием ряда причин экстра – и интралингвистического характера. К их числу следует отнести, например, поиск адресантом отчетливости; стремление к образности; экспрессивности; отсутствие стилистически адекватной украинской лексики; эвфимизация; цитирование; стилизация (экзотизмы, варваризмы); часто наблюдается совмещение факторов, обуславливающих включение. Внелингвистическими причинами могут являться аккомодация к адресату и цель общения. Последний фактор заслуживает особого внимания в связи с диагностической ориентацией данного исследования.

Создание анонимного текста на украинском языке с искажением признаков письменной речи интенционально обусловлено. По данным экспертных исследований, намерение адресанта, как правило, сводится либо к имитации речи носителя украинского языка (неродной язык), либо к символизации родного (русского) языка. Обе вышеназванные установки предполагают осознанную, целенаправленную деятельность адресанта по выбору адекватных языковых единиц. Как свидетельствуют результаты эксперимента, при имитации письменной речи носителя украинского языка русскоязычный адресант обращается к нечастотным, редко используемым в индивидуальной речевой практике словам. Как правило, наблюдается тенденция к актуализации разнокорневых украинско-русских аналогов, что в какой-то мере перекликается с выводами В.Батова о лексической организации ложного высказывания [1:111-115]. Символизация родного (русского) языка осуществляется за счет кодовых включений. Кодовое включение, выполняющее символическую функцию, демонстрируется намеренно как ненамеренное поведение и должно (по замыслу адресанта) восприниматься адресатом как естественное [4:146], то есть адресат «обречен» атрибутировать текст носителю русского языка. Тезаурус символических кодовых включений составляет в основном общеупотребительная, частотная русская лексика.

Количественный и качественный состав символических единиц в тексте зависит от интеллектуальных свойств личности адресанта. Создавая текст, он становится первым реци-

пиентом собственных коммуникативных усилий, то есть восприятию письменной речи адресатом предшествует самовосприятие и самооценка [2: 19]. И если адресат анонимен (а в этом случае в представлении продуцирующего текст последний выступает как некая гомогенная группа либо индивид без специфических личностных и социальных признаков), то ему приписываются те же свойства, обладателем которых является сам адресант. Вследствие этого при оценке адресантом количества кодовых включений как достаточного для реализации интенции и от анонимного коммуникативного партнера ожидается адекватная оценка, т.е. численность слов-символов в таком тексте прямо пропорциональна апперцепционным способностям адресанта.

Интересную диагностическую информацию может предоставить эксперту и текст, адресованный конкретному лицу, поскольку объем знаков-символов в нем и их лингвистическое своеобразие позволяет реконструировать коммуникативные и социально-психологические параметры личности автора анонимного документа. В этом случае эксперту-автороведу следует сосредоточить внимание на следующих операциях и признаках: во-первых, выяснить, находят ли отражение в исследуемом тексте такие факторы, как социальная позиция адресанта, его психологические особенности, апперцепционные возможности; во-вторых, в каком конкретно языковом выражении представлены данные параметры; в-третьих, соотносятся ли они с личностными параметрами адресанта. Итак, из всего вышесказанного следует, что кодовые включения можно считать многоаспектным декодирующим средством. Кроме своей основной функции (дешифровка национальной принадлежности автора), они при комплексном (качественном и количественном) изучении могут оказаться источником информации об апперцепционных способностях анонима, об умении строить логические заключения, а также его индивидуальных особенностях осуществления речевой коммуникации. Информация такого рода может быть полезной не только при составлении «портрета» разыскиваемого лица, но и при решении задач идентификационной экспертизы.

Еще более ценным для эксперта-криминалиста является качественный (собственно языковой) состав кодовых включений, так как языковой материал представлен здесь в относительно чистом, неадаптированном к адресату виде, что повышает его объективность и позволяет проследить некоторые лингвистические закономерности кодового включения без дополнительного трансформирования.

Собственно языковое выражение искажения признаков письменной речи билингвом и монолингвом, как известно, существенно отличается. Как свидетельствуют результаты криминалистических исследований искажения русской письменной речи, в 50% случаев маскировки предпринимается искажение орфографии [3]. По данным эксперимента, проведенном среди 18-25-летних жителей г. Одессы, родным языком которых является русский, образование среднее, в интенционально обусловленном тексте (символизация русского языка) функцию слов-символов выполняют в основном словообразовательные дериваты, контаминированные формы типа *відлічає* (рус. отличает, укр.: відрізняє); *ізобразив* (рус. изобразил, укр.: зобразив); *описуєт* (рус. описывает, укр. описує). Орфографические ошибки, обусловленные различием русского и украинского правописания (например, укр. серце, рус. сердце; укр. розплата, рус. расплата; укр. хазяїн, рус. хозяин), единичные либо вовсе отсутствуют; крайне редко и нарушение графики (замена укр. и, ї, є, є русскими графемами). Причины подобного графико-орфографического своеобразия анонимных текстов, выполненных с интенционально обусловленным искажением признаков, на наш взгляд, заключается, во-первых, в достаточно высоком уровне развития у информантов орфографических навыков, что подтверждается 10-15-летним изучением украинского языка, а во-вторых, прохождением текста через жесткий самоконтроль.

При общей концентрации внимания на языковой стороне текста, что в целом повышает качество его лингвистической (в частности орфографической) организации, адресат, сообщаясь с интенцией (намек на личность носителя русского языка) и подчиняясь закону аналогии, фокусирует символические единицы в границах одного-двух типов, на его взгляд,

наиболее весомых в диагностическом плане и гарантирующих реализацию поставленной цели. В этом смысле словообразовательный дериват является идеальным знаком-символом, поскольку, в отличие от других видов «отрицательного материала» (например лексических или орфографических), отвечает принципу умеренности намека и предостерегает от ошибочной атрибуции украинского текста монолингву с нулевой степенью развития орфографических навыков родного языка. Доминирование же кодовых включений собственно лексического характера, как правило, свидетельствует о том, что либо целевой установкой русскоязычного автора является незавуалированная, жесткая демонстрация родного языка, либо образовательный уровень автора ниже среднего, так как лексические включения – самое тривиальное средство проявления национальной принадлежности, либо что автор имеет дополнительную цель – ввести в заблуждение относительно уровня своего образования (маскировка).

В отличие от кодовых включений, интерференционные признаки (в обследуемой группе) чаще проявляются на уровне лексем и графем. Результаты более подробного языкового отличия интерференции (подсознательное включение) и кодового включения (включение сознательное) могут оказаться весьма полезными при решении вопроса о целевой установке адресанта, а именно: имело ли место в анонимном документе преднамеренное указание на национальную принадлежность автора. При составлении заключения подобного рода эксперту следует обратить внимание на тот факт, что в конце рукописи, где контроль, как известно, ослабевает, кодовое включение под воздействием инерции может превратиться в интерференционную единицу (неосознанное включение), что подтверждается и нашим экспериментальным материалом.

Интерференционного характера может быть и одно из слов словосочетания, в составе которого есть кодовое включение. У последнего настолько сильной оказывается способность к иррадиации, что у второго компонента словосочетания подавляется украинское означающее и его естественным образом замещает русское. Так, в сочетаниях *солнечные лучи, в теплой стране, дождь ливнем, преклонный возраст* только первое слово отмечается информантами как символическая единица, второй же компонент не осознается адресантом как русская лексема, то есть он является проявлением интерференции. Наличие в анонимном тексте большого количества аналогичных явлений может спровоцировать ошибочность экспертного вывода о преднамеренной / непреднамеренной демонстрации языковой принадлежности автора текста.

Наряду с описанной выше символизацией русского языка, в экспертной практике встречается еще один тип осознанного (в отличие от интерференции) интенционально обусловленного поведения – имитация речи носителя украинского языка. Основное намерение автора, создающего подобный текст, – убедить адресата в наличии высокого уровня языковой компетенции, ввести в заблуждение относительно родного (русского) языка составителя рукописи. По свидетельству опрошенных информантов, проявить «дизъюнкцию» двух родственных языков легче на лексическом уровне за счет отличия означающих, так как именно такие украинские формы являются индикаторами, по которым узнается «свой». Лексемы, представляющие собой фонетические (рус. кровавый, укр. кривавий), словообразовательные (рус. провинность, укр. провина) параллели, не имеют такой высокой степени доказательности. И потому при наличии в языке вариантных или синонимичных образований предпочтение при имитации отдается разнокорневым лексемам. Например: рус. *душно* в украинском языке соответствует пара *душно, парко*, в текст с целевой установкой на имитацию вводится *парко*. Более того, стремление к расподоблению двух языков может быть настолько гипертрофированным, что лексемы общеславянского и восточнославянского происхождения могут ошибочно интерпретироваться как собственно русские и на этом основании не включаться имитатором в текст (укр. старий, в старину – рус. старый, в старину). Таким образом, показателем имитации украинского текста может быть количество функционирующих собственно украинских разнокорневых лексем.

Причиной ошибочного заключения эксперта может стать и формальный анализ украин-

ского массива лексики в спорном тексте. Не всегда слова типа *ніж, літо, мідь, крісло, стіна* и под. являются нормативными. Это может быть ложная (ошибочная) демонстрация лексического дефицита. Исходя из того, что в двух языках насчитывается большое количество похожих образований, различающихся корневыми гласными *о, е – і* (*вічність – вечность*), автор анонимного текста создает искусственную номинацию, не принадлежащую (по ложному представлению номинатора) ни к одной из двух языковых систем. Возможность заблуждения автора текста относительно искусственной природы созданных по аналогии единиц, случайно совпавших с реально функционирующими в украинском языке, обязательно должна учитываться автороведом, впрочем, как и вероятность наличия у составителя рукописи синонимического дефицита. Так, в экспериментальных образцах неоднократно отмечалось отсутствие синонимии у таких, например, слов, как *лазня, п'їтьма, шитани* и др., поскольку лексемы *баня, тьма, брюки* считались принадлежностью исключительно русской языковой системы, что позволяло информантам включать их в текст на правах русской символической единицы. Следовательно, вынося решение о преднамеренном/непреднамеренном характере ущербного речевого поведения автора текста и языковой принадлежности документа, эксперту необходимо иметь в виду случаи превращения кодового включения в интерференционную единицу, явление ложной демонстрации языковой недостаточности, а также прогнозировать вероятность синонимического дефицита. Данный список, как представляется, может быть продолжен. Игнорирование фактов такого рода может привести не только к ошибочному толкованию интенции анонима, но и к ошибочному выводу о его национальной принадлежности.

Подводя итоги, следует заметить, что проведение классификационной автороведческой экспертизы с целью выявления групповой принадлежности автора анонимного текста требует тщательного лингвистического анализа, а также обязательного разграничения языковых проявлений интерференции, имитации, символизации. Выявление этой границы путем применения количественного (статистического) метода – актуальная задача последующих научных изысканий.

1. Батов В.И. О частотном анализе альтернативных сообщений//Методологические и методические проблемы контент-анализа.-М.-Л.,1973.
2. Винокур Т.Г. О характеристике говорящего: Интенция и реакция//Язык и личность.-М.,1989.
3. Грановский Г.Л. Исследование признаков письменной речи в криминалистической экспертизе.-М.,1976.
4. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения.-М.,1979.
5. Теоретические проблемы социальной лингвистики.-М.,1981.
6. Хауген Э. Языковой контакт//Новое в лингвистике.-М.,1972.
7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность.-М.,1974.